

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 12, No. 4, pp. 193-199, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 94(47)“1914–1918”

Industry in the South of Russia during World War I: The Slipping Away of Capital's Victory

Olga M. Morozova

Don State Technical University, Russian Federation
344000 Rostov-on-Don, Gagarin square, 1
Doctor of History, Professor
E-mail: olgafrost@gmail.com

Abstract

This article addresses the situation with industrial enterprises in the south of Russia during World War I and the effects of conflicts that took place in that area. Sources used by the author include memorandum reports directed to the authorities, as well as post-revolutionary reminiscences of participation in the workers' movement, which the author employs to bring to light the sentiments of workers.

Keywords: southern Russian industrial region; World War I; worker's movement; mobilization into the army; Don Cossacks.

Введение

В 1950–1980-е гг. история рабочего движения самого молодого из российских промышленных регионов была в фокусе исследовательских интересов советской науки [1]. Казалось бы, научная проблема близка к решению, но эпоха парадигмальных сдвигов дала ей второе дыхание. Хорошо известные документы могут дать возможность увидеть события под другим углом зрения, поставить и решить по-новому вопросы: о линии раскола и о причинах заводских конфликтов, о положении рабочих, о путях и поводах радикализации настроений в рабочей среде.

Материалы и методы

Использованы документы горной инспекции, полицейского управления, из коллекций мемуаров, хранящихся в архивах Ростова-на-Дону, Днепропетровска, Баку, а также результаты исследований архангельского историка Т.И. Трошиной.

Обсуждение и результаты

Тезис о принесшей народу бедствия войне уже не кажется универсальным при описании положения рабочих слоев. Для некоторых годы Первой мировой войны стали временем процветания. И это не только финансовые тузы, хозяева работавших на войну предприятий, но и их рабочие и служащие. Этот оазис зиждился на казенных заказах и льготах, которые предоставлялись всем занятым на значимых для обороны производствах. Конечно, жалование шахтера-откатчика [2] не шло в сравнение с доходом артельщика или

содержанием инженера-маркшейдера, а тем более с барышами, например, директора-распорядителя горнопромышленного общества, но настроение поучаствовать в разделе казенных денег замечено у всех без исключения.

Тут нужно вспомнить, что развитие южнороссийского промышленного района происходило с участием капиталов англо-франко-бельгийских акционерных обществ. Поэтому большинство иностранцев – владельцев предприятий были гражданами стран Антанты. И после начала войны они сохранили свои позиции на предприятиях в полном объеме. Роль же германско-австрийских денег была незначительной, поэтому доля предприятий, секвестрированных после начала войны с державами Тройственного союза, была невелика. Одним из них было «Акционерное (анонимное) общество Русской горнозаводской промышленности», основанное группой коммерсантов – подданных Германии в 1898 г. Осенью 1914 г. оно, как и другие подобные, было секвестрировано. Интересно, что установление государственного управления связывалось с затруднением прохождения денежных средств со счета, находившегося в германском банке, что грозило остановкой работ на основной шахте общества. Там шла широкомасштабная реконструкция. Ходатайствуя о секвестре, окружной инженер Таганрогско-Хрустальского горного округа полагал тем самым сохранить технический персонал, знакомый с особенностями угольных пластов, предотвратить затопление рудников подземными водами и заполнение штолен гремучим газом [3].

После объявления войны владельцы предприятий предпочли покинуть Россию и вернуться на родину, оставив вместо себя управляющих с полномочиями по текущему управлению, но без права решать вопросы финансового характера. Расстояние мешало оперативному решению возникавших вопросов и, прежде всего, в отношениях с рабочими.

Рабочие юга России к тому времени накопили немалый опыт в горячих классовых боях стачки 1903 г. и Темерницком восстании 1905 г., а в предвоенное время получили навык консолидации в связи с апробацией новых для них форм легальной активности – участия в больничных кассах, в потребительской кооперации, в строительстве народных домов и организации их работы. Поэтому ощущение своей силы у них было развитым и многоплановым.

Краткий период всеобщего патриотического единения сменился возобновлением экономических конфликтов. Перелом настроений обозначился к весне 1915 г. Из газет рабочие узнавали известия, которые побуждали их к выставлению требований о повышении зарплаты. Это были сведения о новых оборонных контрактах, о росте цены закупки пуда производимых предметов, о повышении расценок на столичных предприятиях. Не только хозяева-иностранцы рассматривали войну как время широких возможностей для бизнеса, но и владевшие важными для обороны производствами подданные русского царя стремились отщипнуть свою крошку от казенных денег.

Расстояние как объективная преграда (правления зачастую находились в столице, а хозяева – за границей) использовалось дирекцией в полной мере. Волокита и ссылки на отсутствие принимающих решение лиц помогали управляющим сводить вопрос о повышении жалования к вопросу о единовременных премиях. Примечательно, что государственные чиновники, наблюдающие за положением дел на заводах, нередко бывали на стороне рабочих, а не администрации. Жандармский пристав на предприятиях Русско-бельгийского металлургического общества, владевшего Петровскими заводами в Енакиево, считал необходимыми уступки в отношении увеличения расценок, которые сняли бы угрозу стачки и, следовательно, срыва выполнения казенного заказа. Бельгийская администрация не соглашалась на увеличение платы, считая, что повышение даже на 20 % (а рабочие требовали 50 %, т.к. доменным и мартеновским рабочим была известна повысившаяся стоимость пуда выпускаемой продукции) принесет снижение прибыли на 2 млн руб. в год, на что она не могла пойти якобы без одобрения акционерами, находящимися в Европе. Чиновник же отмечал, что уступки рабочим не сделают предприятие убыточным, потому что прошлый 1915 г. общество закончило с чистой прибылью в 5,5 млн руб., а текущий 1916 г. обещал быть не менее успешным в связи с высокой обеспеченностью Петровских заводов казенными заказами [4].

Находившийся на заводах представитель правления и управляющий заводами бельгиец Потье объявил рабочим, что, не имея полномочий, он может пойти лишь на

выдачу премиальных. Это не удовлетворило металлургов, и забастовка состоялась. 16 апреля 1916 г. была выключена подача горячего воздуха к домнам. Все шесть печей оказались выведенными из строя. С помощью штрейкбрехеров забастовка была сломлена. Благодаря усилиям талантливого доменщика М.К. Курако закозленные домны были расплавлены за 20 дней. Но предприятие так и не стало работать в прежнем режиме, т.к. увольнения зачинщиков вызывали новые забастовки, и так по кругу. Основные цеха частично действовали до осени 1917 г., но полностью предприятие так и не заработало [5]. Таким образом, пристав Петровских заводов – умный человек и патриот, чью фамилию установить так и не удалось, не ошибся в своих самых пессимистических ожиданиях.

Поведение рабочих – подданных русского царя – также было далеко не безукоризненным. Работающим на предприятиях, обеспечивающих фронт, давалась отсрочка от призыва в действующую армию на несколько месяцев. Она предоставлялась по ходатайству администрации завода, шахты, железной дороги и т.п. Во время действия этой льготы рабочий мог только однажды сменить место работы, причем новый хозяин должен был заново испрашивать в военной комиссии для него отсрочку [6]. Но на деле на предприятиях царствовала страшная текучка. Среди рабочих стало замечаться стремление к переходам из цеха в цех или даже на другой завод в поисках лучшей зарплаты при меньшей затрате физических сил. Даже затопленные шахты и закозленные в ходе стачек доменные печи становились источником дополнительного заработка. Опытный рабочий, ломая оборудование и отпуская «грубые и нелегальные слова» в адрес хозяев, учил молодых: «За наши труды капиталисты нам – рабочим не платят, после забастовки они будут просить нас сделать, тогда с хорошей платой сделаем» [7].

Окружной инженер Мариупольского горного округа в своей записке губернатору Екатеринославской губернии о забастовке рабочих на рудниках Рутченково-Чулковских копей, Брянского и Вознесенского заводов наследниц П.А. Карпова отмечал, что ряд выдвинутых требований противоречит самой логике рудничного производства. Так, рабочие потребовали, чтобы им разрешили выходить на работу только 15 раз в месяц и соответственно отменили штрафы за невыход на работу. Автор доклада заметил по этому поводу: «Это требование рабочих является ярким доказательством [того], что рабочие зарабатывали не так уж мало, как это обыкновенно думают, если они готовы довольствоваться половиной доступного им заработка» [8]. А между тем на шахтах нет резерва рабочей силы. Особенно летом часты невыходы на работу плитовых и коногонов [9]. Из-за их невыхода работа не может начаться. Забойщики с трудом соглашались на эту работу, т. к. плитовые и коногоны получают почти в два раза меньше.

В 1916 г. был отмечен уход горных рабочих из Донской области на другие работы. Представители Таганрогского отделения Петроградского земельно-строительного акционерного общества «Е. Гонцкевич и К^о» в соответствии с телеграммой от 21 мая 1916 г. от заведующего постройкой крепости Петра Великого в Ревеле инженера С.Ю. Красковского приступили к вербовке рабочих – квалифицированных и неквалифицированных – для работы при постройке этой фортеции. Поскольку нужны были бурильщики, вербовщики обратили внимание на рудничных рабочих. Наймом рабочих занимался и Земгор, его комитет инженерно-строительных дружин. В сентябре 1916 г. к наказному атаману обратился казначей 8-го наемочного отряда с просьбой выдать удостоверение на право вербовки рабочих для строительства в Минской губернии прифронтовых дорог и мостов на основании приказа генерала от инфантерии Данилова. Рабочие уходили без паспортов, не сообщив администрации, не получив расчетов. Причинами их ухода были лучшие условия, предложенные вербовочной конторой: дневная оплата – 3–4 руб.; за 3 месяца работы премиальные в размере месячного оклада; проживание и питание за счет интендантства; проезд туда и обратно бесплатный; в дороге кормовых по 50 коп. Эту деятельность опротестовывали Министерство торговли и промышленности, управляющие рудниками, совет съезда горнопромышленников, Юго-Восточное горное управление [10].

Уяснив свою важность для государства, рабочие промышленных предприятий бастовали, стремились монополизировать свое право на рабочие места и соответственно на отсрочку от призыва. Известны забастовки против привлечения военнопленных, мотивировавшиеся тем, что такие работники дорого обходятся казне (содержание, охрана и оплата), но трудятся хуже. Это была форма нейтрализации потенциальных штрейкбрехеров.

В связи с трудом военнопленных вспоминается другая показательная деталь, свидетельствующая о безмерности иждивенческих настроений уже промышленников. На основе правил, утвержденных Советом министров от 17 марта 1915 г., рудники и заводы имели право пользоваться трудом военнопленных на работах в интересах обороны. И администрации этих предприятий уверенно полагали, что счета на их перевозку к месту работы будут оплачены военным ведомством, которому и пересылали счета пароходных компаний в отдел военных сообщений Главного управления Генерального штаба. Штаб же отказывался платить, исключая эти суммы из представляемых счетов, полагая, что за это должны платить сами владельцы предприятий [11].

Государство пыталось обуздать эгоизм и энергичных капиталистических акул, и наивных заводских и рудничных мужичков, чьи аппетиты не шли ни в какое сравнение с первыми, но за счет массовости приносили не меньший вред.

Череды стачек 1915 г. и текучесть кадров привели к изменению схемы предоставления отсрочек от призыва. Все неявившиеся в установленный срок к месту работы (такowymi считались и примкнувшие к забастовкам) увольнялись и подлежали мобилизации. Невоеннообязанные могли быть приняты на работу по усмотрению администрации.

Полицейские протоколы, составленные в ходе расследования забастовки рабочих механического завода ТД «Бенкендорф и К^о» в Баку (август 1916 г.), показывают, что администрация намеренно пошла на обострение отношений, чтобы иметь законное право на увольнение нескольких рабочих и, тем самым, припугнуть остальных. Завод работал на оборону и изготовлял бомбометные стаканы. Несколько предшествующих конфликту недель настроение рабочих становилось напряженным, они отказывались от сверхурочных работ. Затем на требование выборных представителей выдать им рукавицы управляющий заявил: «После войны получите рукавицы», что и привело к остановке работ [12]. Следствие пришло к выводу о небезгрешности администрации, но увольнение рабочих состоялось. Из них 43 чел. оказались военнообязанными – ратниками 1-го и 2-го разряда. Такие оказывались, как правило, в запасных полках. Но другие, более молодые, по возрасту новобранцы или запасные, попадали на фронт. Мобилизованные квалифицированные рабочие нередко направлялись в технические школы и на курсы, а не в действующую армию. Там они получали унтер-офицерское звание, дававшее авторитет, который оказался особенно востребованным после Февральской революции.

Именно с их появлением в армии можно связать начавшееся разрушение отношений между офицерами и рядовыми. Офицерская переписка 1914–1916 гг. не показывает, чтобы в армии до момента Февральской революции в массовом порядке существовали проблемы в отношениях между офицерами и нижними чинами. Наоборот, встречаются написанные выбывшими из частей солдатами трогательные письма к отцам-командирам, датированные 1916 г. И тут в одночасье все рухнуло. Крах традиционной властной вертикали спровоцировал разрушение всех прежних правил и авторитетов. Возглавили солдатскую массу те, кто уже имел опыт протестной деятельности, в том числе и участники забастовочного движения 1915–1916 гг. Они наполнили собой солдатские советы и комитеты, поскольку это была знакомая для них форма деятельности.

Кроме того, производственные конфликты на оборонных предприятиях южнороссийского промышленного района спровоцировали ряд процессов, оказавших существенное влияние на будущее страны. Например, усиление трений между казачьим и иногородним населением Дона. В XIX в. казак для иногороднего был эталоном социального успеха. Положение стало изменяться к началу XX в. Падение престижа казачества связано в первую очередь с ухудшением экономического положения войска в целом и каждой казачьей семьи в отдельности. В 1906 г. была ликвидирована войсковая казна, выполнявшая в том числе и роль фонда социальной поддержки. Требования к «арматуру» (коню, амуниции, холодному оружию), который должен был перед отправкой в полк собрать за свой счет казак, все ужесточались. Все чаще донцы называли свое положение невыгодным.

Масса упреков и обвинений, обрушивавшихся на казачество после 1905 г., обычно связывается с участием казачьих частей в подавлении рабочих волнений. Но другим значимым событием стала и русско-японская война, в ходе которой казакам пеняли, что они не оправдали надежд на поле боя. А во время Мукденских сражений казаки 24-го полка сдерживали панику солдат, приобретя репутацию карательной части. Итог событий так был

сформулирован одним из казаков в 1905 г.: «Антипатия, установившаяся в последнее время между казаками и “русаками”, дает последним право, хотя и не заслуженное, обвинять их в чем угодно» [13].

После 1907 г. донская интеллигенция стремилась к реабилитации казачества в глазах широкой общественности. Один из корреспондентов «Неофициальной части Донских ведомостей», скрывшийся под псевдонимом И.А.Д., в присланном в редакцию тексте утверждал, что причиной предубеждения против казаков является то, что они использовали как «оружие репрессивных действий нагайку». Но автор подчеркивал, что нагайка обычно воспринимается как мера, роняющая человеческое достоинство, но в то же время она более мягкое средство дисциплинирующего воздействия: «...Если казаки и действовали так, то только потому, что ими руководило чувство гуманности, во избежание напрасного кровопролития, тем более что в силу обычая он вооружен еще и этим средневековым орудием пытки» [14]. Пусть это утверждение звучит неожиданно, но обратим внимание: вызванные к Зимнему регулярные войска 9 января расстреляли манифестацию, а казаки толпу разгоняли плетками и оттесняли конями, шашки же в городах не применяли.

Насколько успешной была такая деятельность, неизвестно, но ввод казачьих отрядов на территорию бастующих предприятий привел к обострению отчужденности и недоверия между иногородними и казаками, что не позволило найти общий язык на казачье-крестьянских съездах в 1917 г. и превратило в 1918 г. Дон в оплот Белого движения.

Если вернуться к характеристике ситуации в южнороссийском промышленном районе, то обоснованным представляется вывод о том, что принципы рыночной экономики сохраняли там свою силу в достаточной степени.

В связи с этим интересно мнение ряда английских исследователей (M. Miller, O. Crisp, G. Garvi, S. White), что государственно-экономическая машина Российской империи с самого начала создавалась как гибрид частнособственнического и государственного сектора. Этот опыт был представлен одним из авторов как специфический и характерный в довоенное время лишь для России. И соответственно, как он полагал, в 1914–1915 гг. Германия переняла российский опыт, сочтя его эффективным в условиях максимального напряжения сил страны при ведении войны на два фронта. За нею последовали правительства воюющих Великобритании и Франции, не менее жадно поглощавших частный сектор [15]. Стоит вспомнить, что основанная на ленинских статьях отечественная традиция видела советскую политику военного коммунизма основанной на германском опыте управления экономикой военного времени.

Т.И. Трошиной в отношении севера Европейской части России было выдвинуто предположение, что государственное регулирование экономики носило черты, характерные для политики военного коммунизма [16]. Но она вела речь не о структурных основаниях Российской империи, а об аврально сложившейся оперативной системе мер, вызванной чрезвычайными обстоятельствами и задачами, а именно строительством Мурманской железной дороги и модернизацией архангельского порта, через которые ввозились стратегические товары для русской армии.

Важность южнороссийского промышленного района для нужд обороны также не подлежит сомнению. Возможно, что на ход событий оказывал влияние фактор, отсутствовавший на севере. Вероятное объяснение может состоять в особенностях союзнического присутствия во внутрироссийских делах. Жажда прибыли граждан и компаний стран Антанты на юге парализовала деятельность местных чиновников, пытавшихся поставить интересы обороны на первое место по сравнению с интересами коммерции. На севере отмечено совпадение интересов России и военных ведомств союзников в деле организации бесперебойных поставок для действующей армии.

Выводы

Апробированный на этом историческом материале подход, состоящий в выявлении исторических взаимосвязей, показал, в каких случаях работает эффект бабочки – в ситуациях, требующих предельно просчитанных действий. Военное время как никакое иное подходит под это требование. Напряженность на оборонных предприятиях южнороссийского промышленного района привела к активизации ряда процессов.

Усилился межсословный раскол между иногородними и казачеством, спровоцированный его привлечением к подавлению рабочих стачек. Приток в действующую армию неблагонадежных элементов стал дополнительным фактором, разрушавшим ее основы. Существенно выросло количество рабочих-активистов, затем проявивших себя в 1917 г. в деятельности ФЗК, советов и т.д. Актуализировались негативные чувства к иностранцам, выразившиеся в обвинениях в несоюзническом поведении граждан государств Антанты, владевших промышленными предприятиями. Всё это подтверждает тезис, что война не способствует укреплению отношений даже между союзниками. Чувство недооцененности жертв и усилий разъединяет даже больше, чем прямое вооруженное противостояние, поэтому нередко по окончании войн блоки раскалывались и создавались новые – из недавних противников.

Примечания:

1. Демешина Е.И. Рабочее движение на Дону в период империализма. Ростов н/Д, 1973.
2. Откатчик – рабочий в шахте, доставлявший вагонетку с углем из забоя к подъемнику.
3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 455. Оп. 1. Д. 413. Л. 24, 60.
4. Государственный архив Днепропетровской области (далее – ГАДО). Ф. П-24. Оп. 1. Д. 372. Л. 62–63.
5. См.: Дореволюционная история ЕМЗ (история Р.Б.М.О.). URL: http://enakievets.info/publ/istorija/dorevoljucionnaja_istorija_emz_istorija_rbmo/2-1-0-50 (дата обращения: 24.02.2013).
6. Государственный исторический архив Азербайджана (далее – ГИАА). Ф. 495. Оп. 1. Д. 61. Л. 161.
7. Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики. Ф. 276. Оп. 2. Д. 45. Л. 24.
8. ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 372. Л. 60.
9. Плитовой – рабочий на поворотной плите в шахте, вручную разворачивавший вагонетки перед подъемником. Часто эту работу выполняли женщины. Коногон – рабочий, управлявший лошадьми в шахте.
10. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3995. Л. 1–24, 34–40.
11. Там же. Д. 3996. Л. 1–3, 24.
12. ГИАА. Ф. 487. Оп. 1. Д. 4. Л. 18, 20, 25.
13. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 615. Л. 117.
14. Там же. Д. 588. Л. 3, 4.
15. Цит. по: Джонсон П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы : в 2 т. Т. 1. М., 1995. С. 23–25.
16. Трошина Т.И. Великая война... Забытая война... Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Архангельск, 2008. С. 10, 18–19, 54–55.

References:

1. Demeshina E.I. Rabochee dvizhenie na Donu v period imperializma. Rostov n/D, 1973.
2. Otkatchik – rabochii v shakhte, dostavlyavshii vagonetku s uglem iz zaboya k pod'emniku.
3. Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (dalee – GARO). F. 455. Op. 1. D. 413. L. 24, 60.
4. Gosudarstvennyi arkhiv Dnepropetrovskoi oblasti (dalee – GADO). F. P-24. Op. 1. D. 372. L. 62–63.
5. Sm.: Dorevoljutsionnaya istoriya EMZ (istoriya R.B.M.O.). URL: http://enakievets.info/publ/istorija/dorevoljucionnaja_istorija_emz_istorija_rbmo/2-1-0-50 (Data obrashcheniya: 24.02.2013).
6. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Azerbaidzhana (dalee – GIAA). F. 495. Op. 1. D. 61. L. 161.
7. Arkhiv politicheskikh dokumentov Upravleniya delami Prezidenta Azerbaidzhanskoi Respubliki. F. 276. Op. 2. D. 45. L. 24.
8. GADO. F. P-24. Op. 1. D. 372. L. 60.

9. Plitovoi – rabochii na povorotnoi plite v shakhte, vruchnuyu razvorachivavshii vagonetki pered pod'emnikom. Chasto etu rabotu vypolnyali zhenshchiny. Konogon – rabochii, upravlyavshii loshad'mi v shakhte.

10. GARO. F. 46. Op. 1. D. 3995. L. 1–24, 34–40.

11. Tam zhe. D. 3996. L. 1–3, 24.

12. GIAA. F. 487. Op. 1. D. 4. L. 18, 20, 25.

13. GARO. F. 55. Op. 1. D. 615. L. 117.

14. Tam zhe. D. 588. L. 3, 4.

15. Tsit. po: Dzhonson P. Sovremennost'. Mir s dvadtsatykh po devyanostye gody : v 2 t. T. 1. M., 1995. S. 23–25.

16. Troshina T.I. Velikaya voina... Zabytaya voina... Arkhangel'sk v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918 gg.). Arkhangel'sk, 2008. S. 10, 18–19, 54–55.

УДК 94(47)“1914–1918”

Промышленность юга России в годы Первой мировой войны: ускользающая победа капитала

Ольга Михайловна Морозова

Донской государственный технический университет, Российская Федерация
344012, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: olgafrost@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена ситуации на промышленных предприятиях юга России в годы Первой мировой войны и тем последствиям, которые имели возникавшие там конфликты. Источниками информации стали докладные записки чиновников, поданные «по начальству», а послереволюционные воспоминания об участии в рабочем движении, использованные в качестве раскрывающих настроения рабочих.

Ключевые слова: южнороссийский промышленный район; Первая мировая война; рабочее движение; мобилизация в армию; донское казачество.